

Виталий Тихонов

Рец. на: В.А. Муравьёв. Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX в. М.: Квадрига, 2016. 404 с.

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.A. Muraviev. Teorii feodalizma v rusckoy istoriografii kontsa XIX – nachala XX v. Moscow, 2016

Судьба рассматриваемого исследования своеобразна¹. Защищённое в качестве кандидатской диссертации в 1970 г., оно не было опубликовано, однако стало известно научной общественности и оказывало заметное влияние на развитие историографических исследований. Показателен отзыв на неё известного ленинградского историка С.Л. Пештича. В третьей части своей ставшей классической книги «Русская историография XVIII в.» он писал: «Очень интересный обзор историографии изучения проблемы феодализма в России сделал в последние годы В.А. Муравьёв»². На большой вклад Муравьёва в изучение наследия Н.П. Павлова-Сильванского указал А.Н. Цамутали³.

Так получилось, что книга увидела свет уже после смерти её автора. Публикация написанного почти полвека назад текста ставит перед рецензентом непростой вопрос о том, как его анализировать: через призму современного состояния исторической науки или как историографический памятник? Удивительным образом книга обнаруживает в себе потенциал как для первого, так для и второго подхода.

Конечно, за истекшие годы появился целый ряд монографий, прямо или косвенно касающихся темы «русского феодализма». Однако даже на их фоне работа В.А. Муравьёва привлекает читателей своей фундаментальностью. В ней подробно прописан историографический контекст, интенсивно привлекаются опубликованные и особенно архивные источники, наличествует россыпь нетривиальных замечаний и выводов. Обращение к крупной историографической

и теоретико-методологической теме позволяет автору коснуться ключевых проблем истории отечественной исторической науки.

Вызывает интерес его стремление рассмотреть развитие исторической мысли в социально-политическом контексте. Естественно, это сделано с позиций классового анализа. Надо сказать, чтение историографического исследования, написанного в «классическом духе», без дискурсов, деконструкций и бесконечной постмодернистской иронии, переходящей в стёб, сравнимо, пожалуй, только с чтением античных сочинений – прямолинейных и честных. Но, углубляясь в чтение, понимаешь, что кажущаяся прямолинейность обманчива, а сам текст не просто более изящен, чем у многих предшественников, но зачастую требует специальной контекстуализации и даже дешифровки. Тем более что он полон «историографических намеков», прозрачных для современников, но незаметных для нынешнего читателя.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что перед нами памятник советской исторической науки эпохи «оттепели». То, что Муравьёв как исследователь сформировался именно в это время, уже отмечалось⁴. Неудивительно, что текст пронизывают противоречия «оттепели» – или, точнее, её своеобразная «диалектика». С одной стороны, автор следует этосу и стилю советской историографии, одной из задач которой являлось воинственное разоблачение «буржуазного» историописания. В тексте можно обнаружить и привычные для того времени утверждения о «кризисе буржуазной историографии», сдававшей свои позиции под напором

«передового» марксизма, и специфическую терминологию, и прочие «следы времени». Острые критики направлены в особенности против «государственной школы», целью которой якобы было обоснование и поддержка самодержавной власти.

Но было и другое. Автор не спешил навешивать классовые ярлыки на анализируемых учёных, старался показать очевидные достижения дореволюционной науки. Для легитимации наследия «буржуазных» историков как предмета исследований Муравьёв использовал хорошо знакомый советской партийной науке термин «попутчики», вводя его в новый контекст и, как следствие, придавая ему новый смысл. К этим «лучшим представителям буржуазной науки» были отнесены историки, которые восприняли ряд марксистских или близких к ним положений. Они, с одной стороны, не вполне свои, но в то же время в чём-то близкие. Теперь можно было обнаруживать предпосылки их перехода в стан историков-марксистов после революции. Это позволяло рассматривать дореволюционную историческую науку не только через призму её неминуемого движения к «кризису», но и как процесс довольно динамичного развития.

Ещё один признак «историографической оттепели» — указание на существование «плодотворных, обогащавших русскую историческую мысль контактов русской и западноевропейской историографии» (с. 20). В последние годы сталинской эпохи даже намеки на это могли дорого стоить. Но ко второй половине 1960-х гг. «лучшие представители» уже советской исторической науки сумели переломить ситуацию, сделав возможным сравнительно-историографические исследования. Работа Муравьёва — яркое явление в этом набравшем силу потоке. Автор наглядно показал огромное влияние западноевропейской философской и исторической мысли на становление и развитие отечественной историографии. Интересно, что здесь исследователь в значительной степени шёл не за работами советских историков, в частности за фундаментальным, но уже тогда безнадежно устаревшим первым томом «Очерков истории исторической науки в СССР» (1955), а за мало кому известным, написанным в начале XX в., но так и не опубликованным трудом «Традиционная теория русского исторического процесса» историка-юриста

Б.И. Сыромятникова. Производит впечатление почти крамольное признание автора диссертации: «Мы с сожалением вынуждены отметить, что советская историография до сих пор не располагает столь богатым материалом, сравнениями, историко-философскими и литературными экскурсами трудов, где бы развитие русской исторической мысли и исторических теорий рассматривалось совместно с развитием западноевропейской исторической науки» (с. 245).

Обращение к общеевропейскому контексту позволило Муравьёву реконструировать генезис и последующее развитие понятия «феодализм» как научной и общественно-политической концепции российской историографии. Исследователь подчеркнул его европейское происхождение и пришёл к выводу, что «к концу XVIII — началу XIX в. мысль о феодализме в России оказалась настолько распространённой, что её неоднократно повторяли историки-компилаторы, она вошла даже в учебники» (с. 44). Тем не менее автор пришёл к выводу о том, что пока можно говорить лишь о постановке проблемы, но не о её разрешении.

Процесс развития отечественной историографии с начала XIX в. до отмены крепостного права рассматривается в книге через призму противостояния «официально-охранительного», «буржуазного» и «революционно-демократического» направлений. Большинство их представителей пришли к отрицанию существования феодализма в русской истории. Определённый интерес в контексте современного увлечения проблемой политических контекстов научного (со)знания представляет попытка автора в духе марксистской парадигмы выявить социально-политические предпосылки исторических взглядов учёных и политиков. Впрочем, делается это по большей части умозрительно.

Далее автор, следуя традициям своего времени, вскрыл консервативную роль буржуазной исторической науки конца XIX в. и прогрессивное значение нарождающегося марксистского направления. Взгляды историков-позитивистов противопоставлялись трудам К. Маркса и В.И. Ленина. Естественно, никаких шансов у первых против классиков марксизма-ленинизма не было. Однако Муравьёв опять попытался избежать шаблонного шельмования. Рассмотрев эволюцию зарубежной и отечественной исторической

науки, он пришёл к следующему выводу: «В рамках позитивистских концепций феодализма русская историческая наука к концу XIX в. была готова к тому, чтобы кто-то из её представителей попытался приступить к систематическому изучению вотчинных и “феодальных” отношений» (с. 122). Получилось, что выдвижение идеи существования феодализма в России было обусловлено всем ходом развития исторической науки. В то же время исследователь указывал и на социально-политические предпосылки появления этой концепции, хотя по традиции связал их с либерально-буржуазным конституционным движением, которое стремилось доказать тождество русской и западноевропейской истории.

Мощным стимулом для разработки теории русского феодализма, по наблюдениям Муравьёва, стала Первая русская революция. Надо сказать, автор разрабатывал влияние революции 1905–1907 гг. на развитие отечественной историографии и в дальнейшем, считая эти события важнейшим фактором трансформации не только политической, но и интеллектуальной сферы⁵. К сожалению, эта концептуальная и потенциально плодотворная идея не получила серьёзного развития в трудах его коллег, а влияние событий начала XX в. оказалось заслонено более масштабными потрясениями Первой мировой войны и 1917 г.

Центральной фигурой в историографии русского феодализма был, без сомнения, Н.П. Павлов-Сильванский, которому Муравьёв посвятил отдельную главу. Для изучения его научного творчества проводилась интенсивная работа в архивах. В этом проявились новые стандарты историографических исследований, утвердившиеся в 1960-х гг., а именно изучение исторической науки не только через призму опубликованных трудов, но и с привлечением архивных документов, раскрывающих биографические подробности и исследовательскую лабораторию учёных. Муравьёв ввёл в научный оборот множество ранее неизвестных фактов и значительный комплекс неизученных документов. Важно и то, что молодой историк смело предложил пересмотреть взгляд маститого Л.В. Черепнина, который видел в трудах Павлова-Сильванского отражение кризиса «буржуазной исторической науки». Более того, он призвал отказаться от прямолинейного

взгляда на исторические воззрения историка как следствие его политической позиции: «Сам факт принадлежности Н.П. Павлова-Сильванского к кадетской партии ещё не является доказательством либерально-монархического строя его мыслей» (с. 149). Для окончательной «реабилитации» историка Муравьёв показал дрейф его политических взглядов влево. Павлов-Сильванский был отнесён к левому крылу кадетов и назван «последовательным буржуазным демократом».

Заслугой Муравьёва является рассмотрение откликов научно-исторического сообщества на новаторские идеи молодого историка. Данный ракурс позволил прийти к выводу о том, что сочинения Павлова-Сильванского оказали значительное влияние уже на его современников, в особенности на представителей молодого поколения.

Но изучением наследия только этого исследователя ограничиваться не следовало. Необходимо было показать то, в какой степени его идеи оказались закономерной частью развития российской отечественной историографии. Для решения этой задачи Муравьёв обратился к наследию уже упомянутого Сыромятникова, практически забытого к тому времени учёного. В начале XX в. этот историк-юрист активно занимался изучением феодализма в России, но его диссертация так и не увидела свет. Причиной тому стали события в Московском университете в 1911 г., когда подавляющее большинство преподавателей (среди которых был и Сыромятников) подали в отставку в знак протеста против политики министра просвещения Л.А. Кассо. Диссертация была уничтожена, лишь в нескольких архивах и частных библиотеках сохранились экземпляры её корректуры. С этой работой Муравьёва познакомил, скорее всего, преподаватель Историко-архивного института И.А. Кудрявцев, когда-то знавший Сыромятникова. Кроме того, был основательно проработан фонд историка, отложившийся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки (ф. 366).

Обращение к научному творчеству историка «второго ряда» было по тем временам новаторским решением. Специалисты по истории исторической науки, как правило, ограничивались изучением развития историографии через наследие выдающихся представителей дореволюционной науки (исключение делалось для «демократического

направления», в рамках которого изучались в большинстве своём непрофессиональные историки). Обращение к не самому яркому профессионалу начала XX в. было одной из первых попыток рассмотреть историографический процесс «через призму» не только его лидеров, но и рядовых работников.

По итогам работы Муравьёв пришел к выводу о том, что «в течение ряда лет Б.И. Сыромятников почти одновременно с Н.П. Павловым-Сильванским и во многом независимо от него разрабатывал вопрос о феодализме в Древней Руси» (с. 213). Это наблюдение подтвердило мысль автора о закономерности и подготовленности появления концепции феодализма всем развитием отечественной историографии. Нужно отметить, что Муравьёв продолжительное время оставался «главным историографом» научного творчества Сыромятникова⁶ и лишь в последние годы вырос интерес к фигуре этого историка-юриста и его идеям⁷.

Творчество Павлова-Сильванского и Сыромятникова рассматривалось исследователем в рамках течения экономического материализма. Среди современных специалистов в области истории исторической науки данная категория не пользуется особой популярностью, поскольку под неё можно подвести чрезвычайно разных историков. В то же время в 1960-х гг. её применение позволяло вычленив из общего историографического потока большую группу учёных, ориентированных на изучение социально-экономической проблематики. Сравнительно недавно, уже в иных историографических условиях, Муравьёв предложил концепцию «новой волны историков» (в которую включил и Сыромятникова). Этим термином он объединил генерацию историков, сформировавших свой научный почерк под влиянием работ В.О. Ключевского: «К Ключевскому и его наследию дифференцировалось два основных типа. Первый — это творчество в русле его исторических построений и попытка развить их как собственно в истории, так и, главным образом, на материале смежных с исторической наукой дисциплин (истории права, зачатках исторической психологии и социологии и др.)... Но наиболее представительным и ощутимым становится другой тип отношения — критицизм и отход от “старого” позитивизма»⁸. Сыромятникова автор причислил

к первому типу, а Павлова-Сильванского — ко второму.

Заключительная глава диссертационного исследования посвящена историческим взглядам историков-марксистов М.Н. Покровского и М.С. Ольминского, поскольку в традициях советских историографических исследований историческим концепциям «буржуазных историков» обязательно противопоставлялись работы представителей марксизма. Причём обладание единственно верной методологией априори ставило последних (зачастую являвшихся либо историками-любителями, либо публицистами) выше представителей дореволюционного научно-исторического сообщества. Муравьёв сделал вывод о том, что работы названных авторов с самого начала противостояли теориям буржуазного эволюционизма. Впрочем, стоит отметить, что глава, посвящённая марксистским концепциям, занимает в рукописи лишь 22 (из 524) страницы и явно носит вспомогательный характер.

Диссертационное исследование Муравьёва органично вписалось в зарождающиеся в то время новые стандарты историографического исследования. Оно было написано с привлечением архивных материалов, в нём по возможности выдержан объективистский дух по отношению к наследию дореволюционных историков. В то же время в той историографической ситуации эта работа оказалась чем-то большим, нежели просто исследование истории исторической науки. Известен скепсис творчески мыслящих историков по отношению к методологическим текстам, которые неизбежно превращались в более или менее удачное толкование классиков марксизма-ленинизма. Поэтому именно качественные историографические исследования становились своеобразным полигоном изучения и актуализации теоретико-методологического наследия дореволюционных предшественников. Отнюдь не случайно, что после распада СССР возвращение этого наследия происходит в первую очередь через труды историографов.

С момента защиты диссертации прошло почти 50 напряжённых для отечественной исторической науки лет. В 2009 г. умер В.А. Муравьёв. Его кандидатская диссертация увидела свет только сейчас, однако не прошла незамеченной. Её можно без преувеличения назвать интеллектуальным

памятником автору и эпохе, в которой она появилась. При публикации диссертация удачно дополнена отзывами официальных оппонентов А.А. Зимина и В.Б. Кобрин. Эти тексты — тоже интересные историографические памятники, помогающие понять значение исследования. Завершает издание список основных публикаций автора — хотя хотелось бы увидеть полный. Это, пожалуй, главное критическое замечание по адресу составителей.

Без сомнения, издание «Теории феодализма в русской историографии» стало заметным событием в исторической науке и, возможно, поспособствует активизации изучения затронутых в ней проблем. Остаётся лишь пожелать, чтобы книга заложила традицию издания неопубликованных историографических трудов дореволюционных и советских историков.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* Выдающийся воспитанник и профессор Историко-архивного института // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьёва: Сборник статей.* В 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 25–35; *Тихонов В.В.* В.А. Муравьёв как исследователь теорий русского феодализма в отечественной историографии // Там же. С. 61–70.

² *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 3. Л., 1971. С. 72–73.

³ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 209.

⁴ *Дурновцев В.И.* Время, пространство, события в жизни и творчестве историка: воспоминания В.А. Муравьёва // *Новый исторический вестник.* 2013. № 36. С. 9; *Дурновцев В.И.* Времена Виктора Александровича Муравьёва // *История и историки: историографический вестник.* 2011–2012. М., 2013. С. 306.

⁵ *Муравьёв В.А.* Революция 1905–1907 гг. и русские историки (к постановке проблемы) // *Интеллигенция и революции. XX век.* М., 1985. С. 72–73.

⁶ *Муравьёв В.А.* Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси // *История и историки. Историографический ежегодник за 1973 г.* М., 1975; *Муравьёв В.А.* Сыромятников Борис Иванович // *Историки России. Биографии.* М., 2001.

⁷ *Беленький И.Л.* Борис Иванович Сыромятников // *Россия и современный мир.* 2002. № 4. С. 204–213; *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: Научная биография Б.И. Сыромятникова. Пиза, 2008; *Дурновцев В.И., Тихонов В.В.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М., 2012; и др.

⁸ *Муравьёв В.А.* В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // *Ключевский. Сборник материалов.* Пенза, 1995. С. 223.

Игорь Гребенкин

На западных рубежах империи: первые шаги государственной карьеры П.А. Столыпина*

Igor Grebenkin
(*Esenin Ryazan State University, Russia*)

On the Western Borders of the Empire: The First Steps of P.A. Stolypin's Career

В последние два десятилетия исследователи писали о П.А. Столыпине достаточно часто¹, но преимущественно их интересовала, естественно, его деятельность во главе МВД и Совета министров, а также предложенная им программа преобразований. Служба же

будущего реформатора в западных губерниях, на границах русской Польши, до недавнего времени практически не изучалась. Приводившиеся о ней сведения носили самый общий характер, что объяснялось отсутствием источников или трудностью доступа к ним.

* *Jurkowski R.* Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołypina (1889–1903). Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015. 616 s.